

С. В. Коган

ДЕТСТВО КАК ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ДОВОЕННОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается роль подрастающего поколения в решении задачи коренной перестройки общества, выдвинутой большевистским руководством. Делается вывод о том, что в политике партии и довоенного Советского государства детство являлось этапом формирования «нового человека».

Ключевые слова: детство, советское общество, партия, Советское государство, «новый человек».

S. Kogan

THE CHILDHOOD AS A STAGE OF THE DEVELOPMENT OF THE «NEW PERSON» IN THE PRE-WAR SOVIET SOCIETY

The article regards the role of the growing generation for the solution of the Bolshevik governance objective of radical reorganization of the society. A conclusion is drawn that the Party policy and in the pre-war Soviet state regarded childhood as a stage of the development of «the new person».

Keywords: childhood, Soviet society, party, Soviet state, «new person».

Активизация внимания российского общества к культуре детства наблюдалась с конца XIX века. М. В Ромашова, характеризуя этот период отечественной истории, отмечает: «Понимание того, что будущее зависит от численности детей, от условий их социализации, привело к распространению представлений о детях и детстве как особой привилегированной группе в сфере государственных и социальных интересов. С приходом к власти большевиков в 1917 г. детство стало рассматриваться благоприятным периодом для становления советской

идентичности» [9, с. 3]. Поэтому в решении задачи коренной перестройки общества, выдвинутой большевистским руководством, важная роль и отводилась подрастающему поколению.

В 1918 г. на съезде работников народного просвещения заведующей отделом народного образования Петроградского исполкома З. И. Лилиной (Зиновьевой) была сформулирована задача советской школы: «Мы должны создать из молодого поколения поколение коммунистов. Мы должны из детей — ибо они подобно воску подда-

ются влиянию — сделать настоящих, хороших коммунистов... Мы должны изъять детей из-под грубого влияния семьи. Мы должны их взять на учет, скажем прямо, — национализировать. С первых же дней их жизни они будут находиться под благотворным влиянием коммунистических детских садов и школ. Здесь они воспримут азбуку коммунизма. Здесь они вырастут настоящими коммунистами» (цит. по: [5, с. 36]).

А. В. Федюк отмечает: «20–30-е гг. XX в. были решающим периодом новейшей отечественной истории, когда происходила трансформация общественно-политического, социально-экономического и культурного развития, утверждались его тоталитарные тенденции. Большевистская власть важным направлением своей деятельности и одним из главных средств укрепления режима считала идеологическую работу. Ее итогом должно было стать воспитание «нового» человека, всецело разделяющего ценности этой власти» [10, с. 3].

Концепцию «нового человека», ее истоки и процесс формирования в послереволюционной России представил М. Геллер в монографии «Машина и винтики. История формирования советского человека» [1]. Своеобразным аспектом этой концепции является довольно широкая популяризация в СССР в 20-е годы исследований наследственности, процессов омоложения организмов, искусственного отбора.

С начала 20-х годов проявляется большой интерес к физиологии и психологии, дающим знания, которые можно использовать как инструменты воспитания и убеждения. Подтверждение сказанному имеется в публикациях тех лет. Так, А. Б. Залкинд в книге «Педология в СССР», опубликованной в 1929 г., отмечал (приводится по: [1, с. 171]), что советское общество выдвинуло на повестку дня «педологический» вопрос «об изменениях массового человека в процессе социалистического на него влияния» [4, с. 6]. А. Б. Залкинд писал (цит. по: [1,

с. 171, 11, 13]): «Именно в детстве в эпоху развития, роста человека среда оказывается наиболее могущественным, решающим фактором... определяющим все основные перспективы дальнейшего бытия человека». Обращение педологов к учению физиолога И. П. Павлова, как отмечал А. Б. Залкинд, обусловлено поиском «энергичного ускорения нашей творческой изменчивости» [Там же] и тем, что «центр этого учения — во внешней среде и ее раздражителях».

В 20–30-е годы советская наука находится в активных поисках возможностей и путей переделки физиологии и психологии человека, а воспитатели, в свою очередь, мечтают об их использовании. Появляются многочисленные объявления об «открытиях», позволяющих вернуть молодость, начать массовое изготовление социалистического человека.

В СССР, как отмечает А. Б. Залкинд (цит. по: [1, с. 173]), «вскрыты совершенно новые, богатейшие педагогические возможности в яслевом возрасте, — возможности, неизвестные западной яслевой практике» [4, с. 15]. Он продолжает: «Не менее богатый и не менее оптимистический материал по вопросу об изменчивости доставил советской педологии дошкольный возраст... Появился новый дошкольник, растущий при нашей педагогической целеустремленности» [4, с. 16]. А. В. Луначарский декларирует (цит. по: [1, с. 173]): «Мы знаем, что развитие тела ребенка, включая нервную и мозговую систему, является действительным объектом нашей работы... Человек представляет собой машину, которая функционирует таким образом, что выработывает то, что мы называем правильными психическими феноменами... Человек... это кусок организованной материи, которая думает, чувствует, видит и действует».

М. Геллер отмечает [1], что в процессе исторического развития советская школа преобразалась. Из самой революционной она превратилась в самую реакционную и

наиболее консервативную, но при этом она всегда оставалась инструментом для достижения цели, поставленной партией: создание «нового человека». «Без коммунизма нам не нужна грамотность», — это утверждение виднейших советских педагогов в 20-е годы, когда для обучения использовались самые передовые для того времени методики преподавания.

Е. Г. Пономарев и Л. Н. Величко отмечают: «Строительство нового советского общества шло одновременно с формированием человека нового типа, свободного от прежних нравственных установок и поведенческих стереотипов. На смену традиционным нравственным ценностям, базирующимся на основе христианской морали, приходила иная воспитательная и педагогическая парадигма, главные принципы которой были построены на основе Теорий и идей марксизма-ленинизма» [8, с. 4].

«Революционная целесообразность» — вот принцип, в соответствии с которым формировалось новое педагогическое мышление послереволюционной России. Это, в свою очередь, обусловило подчиненное положение новой идеологии системы образования и воспитания как основы формирования «нового человека». Максимально эта политика была реализована в 30-е годы — годы достижения принципиально нового уровня контроля государственной власти над всеми сферами жизни общества и полной реализации идеи создания «нового человека».

Повышенный интерес к проблематике подрастающего поколения связан со сталинским периодом советской истории. В годы формирования сталинской системы, характеризующейся новым социальным порядком, феномен детства неразрывно связан, прежде всего, с двумя моментами: навязыванием идеологических установок «сверху» и восприятия их детьми и с проблемой несоответствия окружавшей детей советской действительности пропагандистским лозунгам. В. С. Журавлев и А. К. Со-

колов в статье «Счастлиное детство» приходят к выводу, что, несмотря на мощный идеологический пресс, под которым оказывались советские дети и подростки в 30-е годы, их личный опыт, противоречивший пропаганде, вел к прозрению, к недоумению, разочарованию и к протесту [3]. Однако проблема усвоения или отторжения детьми идеологических установок представляется более сложной и неоднозначной. Дети не столько сопротивлялись, сколько воспринимали те нормы, ценности, которые им предлагала советская пропаганда, и, более того, участвовали в их конструировании под контролем пионерии и комсомола.

Процесс строительства социалистической утопии в первой половине 30-х годов нашел отражение в изменениях, имевших место в области воспитания. Эти изменения явились знаменем перехода к новым методам воздействия на сознание человека. При этом доминирующим стало не изменение среды, результатом которого явилось бы изменение человеческого сознания, а тренировка. Эту тренировку, как писал А. Б. Залкинд (цит. по: [1, с. 174]), «...злейшие враги называют дрессировкой детей. ... Дрессировка, методы гипнотического, террористического давления на детей» [4, с. 35] — это наиболее верное определение методов, использовавшихся советской педагогикой.

Советские дети два десятка лет в яслях пели песенку (цит. по: [1, с. 175]): «Я маленькая девочка, играю и пою. Я Сталина не видела, но я его люблю». Эта песенка является иллюстрацией тех неограниченных возможностей, которые приобрела педагогика. Ведь в ней доминантой является любовь к неизвестному божеству, имя которого не имеет никакого значения. Подтверждением сказанному является изменение текста этой песенки, в которой в середине 50-х годов имя Сталин было заменено на Ленин. Неустанное повторение одних и тех же движений или слов — вот основа

метода тренировки (или дрессировки)». Помимо этого, как отмечает М. Геллер, «необходима также модель, демонстрирующая правильные движения, говорящая: делай как я! После поколения, натренированного на модели Сталина, растут поколения, тренируемые на модели Ленина» [1, с. 175].

Педология в 1936 г. была объявлена «буржуазной антинаукой» и ликвидирована. Исчезла мечта о чуде, характерная для послереволюционной эпохи. Из памяти были вычеркнуты многие имена корифеев педагогики, психологии, физиологии и биологии. Однако при этом неизменным осталось стремление обрабатывать сознание ребенка, начиная как можно раньше необходимые для этого воздействия (приводится по: [1, с. 173]).

Б. В. Дубин состояние вещей в рассматриваемый период описывает следующим образом: «Детством в советской России клялись с каждой трибуны, продолжая не верить детям и не любить, не ценить детства» [2, с. 249–250]. К. Келли пишет: «Сильно упрощает ситуацию описание состояния вещей у Б. В. Дубина ..., но есть в нем доля правды. Как и другие проявления быта, потребности детей и молодежи были подчинены мощным нуждам так называемого «военно-промышленного блока»; детские дома и школы получали средства «по остаточному принципу». В том же 1936 г., когда стали распространять лозунг «Спасибо родному Сталину за счастливое детство!» и когда «право на образование» вписалось в новую «Сталинскую конституцию», бюджет на образование жестко сократили... Когда действовал форс-мажор, о детях просто переставали заботиться» [6, с. 71–72].

Приход к власти большевиков и установление нового строя обусловили необходимость создания нового менталитета у подрастающего поколения. Поэтому особым направлением деятельности государства стала разработка новых направлений работы с молодежью. В. К. Криворученко

отмечает: «Советские ученые, руководствуясь партийной идеологией, отвергали историческую закономерность стихийности молодежного движения в России, конструировали историю таким образом, что всем процессом зарождения и организации молодежного движения руководила РСДРП(б), затем РКП(б) и ВКП(б)» [7, с. 158.]. Результатом отмеченного явилось то, что «Российский коммунистический союз молодежи своими действиями и с помощью правящей партии и государства устранил с политической арены юношеские объединения и стал единственной организацией всей советской молодежи» [7, с. 161].

Непосредственно отразилось на работе молодежных структур провозглашенное партией «усиление классово-борьбы». В. К. Криворученко отмечает, что «с конца 20-х гг. XX столетия комсомол все больше ориентировался на поиск классового врага. Это было отражением общего состояния общества. ... На это ориентировал комсомол сам Сталин. Он навязывал Союзу молодежи понимание того, что среди юношей и девушек обязательно есть враги, что их надо вылавливать и уничтожать» [7, с. 42].

Развертывание самокритики, борьба с бюрократизмом, с косностью, с невнимательным и нечутким отношением к молодому поколению, объявленные руководством страны, зачастую сводились к доносителству. М. Геллер пишет: «Павлик Морозов стал первым положительным героем детской советской литературы, ибо он разоблачал "измену" (отца) и погиб, выполнив свой долг. Отмечая 50-летие со дня смерти юного отцеубийцы, "Комсомольская правда" подчеркивала значение "легендарного подвига" в деле воспитания советских детей и взрослых» [1, с. 176].

Одним из факторов, обеспечившим РКСМ становление монополевой организации советской молодежи, явились действия «Всероссийской чрезвычайной комиссии — Объединенного государственного

политического управления по разгону юношеских организаций, аресту их активистов, высылению членов этих молодежных объединений в отдаленные районы страны и даже за ее пределы» [7, с. 161]. В то же время массовые репрессии коснулись и самого комсомола. «Проводившиеся в двадцатых годах с переходом на тридцатые чистки в комсомоле явились преддверием самой печальной страницы его истории, когда шел поиск не только чуждых и разложившихся, но и прямых врагов народа. И здесь российский комсомол следовал за Коммунистической партией, а вдохновителем погони за «ведьмами» был «великий друг молодежи» [7, с. 60]. В целом следует отметить, что комсомол конца 20-х — 30-х годов вполне отвечал запросам общества и насущным задачам социалистического строительства, сочетая в себе стремление использовать энергию молодых и реальные действия в этом направлении.

Для воздействия на сознание детей власть успешно использовала и эмоционально-художественное восприятие путем внедрения в детско-юношескую среду игр и игровой атрибутики, соответствующих установкам государственной политики в отношении подрастающего поколения. Эти средства отражали не только окружающие реалии, но и позволяли примерить на себя роль строителей коммунизма, уготованную им в будущем.

Дети воспитывались с идеей построения коммунистического общества, идеального по своей сути. Розовые краски будущего упорно навязывались подрастающему поколению. В реальной же жизни все было совершенно иначе. В. К. Криворученко отмечает, что «... система не давала возможности в полную силу раскрыться творчеству, выступить против неверных действий. Режим подавлял свободомыслие, не терпел мнения, которое не вписывалось в установленное партией и государством ложе» [7, с. 143]. Однако «оптимизм», вера в скорое прекрасное будущее, в коммунизм, зачас-

тую — «в товарища Сталина», воспитываемые школой и официальной пропагандой, затмевали неприглядную картину реальности. И это влияло на формирование таких социально-психологических черт, как энтузиазм, героизм, преданность «великому делу», партии, Родине.

Активно создавался пропагандой образ коллективного отца — товарища Сталина. Отец народов, даривший детям «счастливое и радостное» детство, защищал своих верных и преданных сынов и дочерей от угрозы капитализма, но сурово требовал верного служения своей системе. «Вождь народов» обладал качествами, которые должны были стать образцом для всех детей страны. Непреклонность воли, ясность цели и настойчивость в ее достижении любыми средствами, твердость характера, ломающие все и всякие препятствия, — таковы качества отца, которые должны были быть усвоены детьми. Стержнем психологического настроения должна была стать «социалистическая устремленность» с большим оттенком фанатичной уверенности и преданности, призванными заменить прежние религиозные чувства.

Реалии конца 20-х — 30-х годов приводили к тому, что «в действиях молодежи одновременно проявлялись мужество и страх, а то и подлость. ... Насильственное идейно-воспитательное воздействие не столько формировало воспитанность, сколько способствовало росту безнравственности, а то и прямой подлости» [7, с. 143]. Ярким примером может служить уже рассмотренный выше пример доношительства Павлика Морозова, которое «... воспринималось в обществе и как подвиг, и как подлость, формировало в молодых душах жизненную неопределенность» [7, с. 143].

Государственная политика конца 20-х — 30-х годов была очень эффективной и способствовала формированию у подрастающего поколения нового менталитета. Разумеется, не следует говорить о массовой

нравственной деформации юных советских граждан под влиянием идеологии. Новое советское поколение было пестрым и многоликим, разными были представления молодых людей о жизни, противоречивыми оказались и их судьбы. «Мужество и героизм сочетались со столь же массовым распространением робости, а то и прямой трусости ...» [7, с. 143]. Навязанные идеологической пропагандой двуличие, классовая ненависть и непреклонность в борьбе с врагами, доносительство, нетерпимость к чужим мнениям, жестокость, карьеризм, приспособленчество сочетались в молодых людях конца 20-х — 30-х годов с готовностью «...к проявлению мужества, самоотверженности, героизма, а если надо, то и самопожертвования во имя Родины, народа, социализма» [7, с. 143].

Подводя итог всему рассмотренному выше, следует отметить, что, придя к власти, большевики превратили детство в сферу особого государственного интереса и повышенного внимания, полагая, что в ребенке можно воспитать те качества и навыки, которые больше всего значимы для строительства социализма. В первое после революционное десятилетие в основе всех проектов детства лежало формирование «нового» советского человека. Поэтому революционный идеал всесторонне развитой, гармоничной личности, а вместе с ним образ активного маленького строителя нового общества корректировались вместе с политическим, социально-экономическим развитием государства и общества.

М. В. Ромашова в работе [9, с. 18–19] отмечает, что часть модели советского «счастливого детства» при сталинизме составляли детские учреждения (колонии, специальные детские дома и т. д.), «которые изымали, наказывали, перевоспитывали, возвращали обратно в «советское детство» тех детей, чье поведение не вписывалось в рамки официальной концепции детства (беспризорных и безнадзорных, совершавших проступки и преступления)» [9, с. 19].

Необходимость создания особой детской культуры, учреждений, занимавшихся вопросами детства, понимали не только в верхах, но и среди представителей российской общественности. Поэтому формирование «советского детства» сложно назвать исключительно государственным вмешательством в жизнь детей. Скорее это было встречное движение государственных и общественных интересов и действий.

Экспериментирование в средствах и методах воспитания детей прекратилось к концу 20-х годов, когда бурно развивающаяся экономика стала нуждаться в законопослушных, грамотных, дисциплинированных кадрах. Для формирующегося сталинского политического режима воспитание в ребенке таких черт, как революционная активность, энергичность, самостоятельность, становились социально менее значимыми. Как отмечает М. В. Ромашова, «изменились гендерные представления о детях: от попытки отождествления мальчиков с девочками к пропаганде более зависимого, покорного начала у девочки как будущей матери и хозяйки» [9, с. 18].

В 30-е годы происходит идеологическая и институциональная достройка модели советского «счастливого детства». Поэтапно и непрерывно, независимо от пола, национальной, социальной принадлежности, ребенок должен был пройти все ступени социализации: детские сады и ясли, где профессионалы следили бы за всесторонним его развитием; школу и общественно-политические организации, где он превращался бы в грамотного идейного индивида. Развитая материальная, символическая культура детства (литература, театр, кино) должна была способствовать более легкому и быстрому усвоению официально принятых норм и ценностей, ролей и идентичностей, навязывавшихся коммунистической идеологией. Семье в этой модели детства отводилось важное место,

поскольку она должна была разделить с государством функции по воспитанию детей. Однако государственные органы контролировали этот процесс и в любой момент могли изъять детей из семьи, если

родители не справлялись со своими обязанностями.

Детство в политике партии и довоенного Советского государства являлось этапом формирования «нового человека».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
2. *Дубин Б. В.* Между всем и ничем // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 245–252.
3. *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Счастливое детство // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 159–202.
4. *Залкинд А. Б.* Педология в СССР. М., 1929. 82 с.
5. *Зензинов В. М.* Беспризорные. Париж: Современные записки, 1929. 325 с.
6. *Келли К.* Советский союз — рай для детей? // Развитие личности. 2007. № 4. С. 71–93.
7. *Криворученко В. К.* Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде: Научная монография. М.: Московский гуманитарный университет, 2011. 166 с.
8. *Пономарев Е. Г., Величко Л. Н.* Предисловие // Дети страны Советов: 1917–1941 гг. (антропологический аспект): Хрестоматия / Отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. С. 3–7.
9. *Ромашова М. В.* Советское детство в 1945 — середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам молотовской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2006. 29 с.
10. *Федюк А. В.* Советская система кинопроизводства и кинопроката в 1920–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. 26 с.

REFERENCES

1. *Geller M.* Mashina i vintiki. Istorija formirovanija sovetskogo cheloveka. M.: MIK, 1994. 336 s.
2. *Dubin B. V.* Mezhdru vsem i nichem // Ottsy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii / Pod red. Ju. Levady, T. Shanina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. S. 245–252.
3. *Zhuravlev C. B., Sokolov A. K.* Schastlivoe detstvo // Social'naja istorija. Ezhegodnik, 1997. M., 1998. S. 159–202.
4. *Zalkind A. B.* Pedologija v SSSR. M., 1929. 82 s.
5. *Zenzinov V. M.* Besprizornye. Parizh: Sovremennye zapiski, 1929. 325 s.
6. *Kelli K.* Sovetskij sojuz — raj dlja detej? // Razvitie lichnosti. 2007. № 4. S. 71–93.
7. *Krivoruchenko V. K.* Molodezh', komsomol, obshchestvo 30-h godov XX stoletija: k probleme repressij v molodezhnoj srede: Nauchnaja monografija. M.: Moskovskij gumanitarnyj universitet, 2011. 166 s.
8. *Ponomarev E. G., Velichko L. N.* Predislovie // Deti strany Sovetov: 1917–1941 gg. (antropologicheskij aspekt): Hrestomatija / Otv. red. E. G. Ponomarev. Stavropol': Izd-vo SGPI, 2010. S. 3–7.
9. *Romashova M. V.* Sovetskoe detstvo v 1945 — seredine 1950-h gg.: gosudarstvennye proekty i provint-sial'nye praktiki (po materialam molotovskoj oblasti): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Perm': Permskij gos. un-t, 2006. 29 s.
10. *Fedjuk A. V.* Sovetskaja sistema kinoproizvodstva i kinoprokata v 1920–1930-e gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2009. 26 s.